

СТРАНИЦЫ ПАМЯТИ

ЕСЛИ вспоминать день за днем с самого начала, то наберется фактов на большую повесть. Большую повесть можно написать о жизни Евгения Павловича Горбенко — хормейстера театра оперы и балета. И правда, есть что вспомнить.

...Это врезалось в память Евгения Павловича на всю жизнь. И сейчас, когда ему уже далеко за пятьдесят, он может ясно представить то, что произошло в тот летний полдень в Петрограде.

Шли они с отцом в потоке демонстрантов. Кругом флаги, плакаты. Вдруг из-за угла здания выскочили всадники. Они стреляли в толпу, рубили шашками.

Это была июльская демонстрация рабочих 1917 года.

Семья Горбенко жила в здании Петербургской академической хоровой капеллы, которая фасадом своим выходила на улицу, ведущую к площади Зимнего дворца. В ночь на 7 ноября по этой улице, прямо под окнами их квартиры, катился могучий людской вал, туда, на штурм Зимнего. Сквозь закрытые ставни окон слышались пулеметный треск, ружейная перестрелка, крики. Это было начало Великой Октябрьской социалистической революции.

Уже на следующий день (правда, еще с опаской) ходили ребята смотреть на избитый пулями фасад Дворца, на часовых у входа.

Скоро разрешили свободный доступ в Зимний дворец. В царских покоях открыли картинную галерею, в Тронном зале показывали кино, в Белый и Малахитовый залы ходили на экскурсии.

По примеру своего отца Женя Горбенко пел в детском хоре Петербургской капеллы, начало которой положил Петр I. Он привез из Москвы певчих мальчиков, чтобы они принимали участие в церковных службах и в придворных оперных спектаклях. И вот наступило время, когда вместо «Боже, царя храни» под сводами Дворца впервые за 250 лет его существования зазвучала русская народная песня «Вниз по матушке, по Волге», торжественные «Варшавянка» и «Смело, товарищи, в ногу» — бывшая придворная хоровая капелла давала бесплатные концерты для солдат, рабочих и революционных матросов.

Прошло девять лет. Хорошо помнит Евгений Павлович выпускной вечер в хоровой капелле. С замиранием сердца слушал он тогда строки приказа «...сим удостоверяется... по специальности пианиста и дирижера-хоровика...». Костя Симонов, близкий друг и товарищ Евгения Павловича, ныне режиссер Ленинградского театра оперы и балета имени Кирова, пожмая руку однокашника, сказал:

— Ну, Женька, поздравляю. Идем в народ.

Прошло еще несколько лет. Евгения Павловича послали в Севастополь поднимать и организовывать флотскую самодеятельность. Вспоминается крейсер, где разучивал он с матросами русские песни. Больше всего любил моряки «Песню о Родине» Дунаевского. Каждый вечер далеко в уснувшие волны Черного моря неслись величавые звуки песни о России-Родине.

Репетируя с мужским хором театра новую оперу, где главные действующие лица — матросы Черноморской эскадры, Евгений Павлович отчетливо вспоминал моряков своего крейсера — и тенора мичмана Терехова, и комиссара крейсера Анисимова и многих других.

И этот день хорошо помнит Евгений Павлович, когда он, движимый желанием принести как можно больше пользы своим умением и опытом, отправился в далекий от Ленинграда сибирский город. Было это в 1936 году. Работа хормейстером и концертмейстером в Новосибирском радиокомитете, руководителем художественной самодеятельности при Доме офицеров — так проходили дни.

В 1944 году в Новосибирске создавалась труппа оперного театра. Е. Горбенко поручили комплектовать хор. Сколько прошло перед хормейстером людей, прежде чем удалось отобрать сто человек. Большинство из них были участниками художественной самодеятельности. Главной теперь заботой стало обучение новичков профессиональному искусству. Вспоминает Евгений Павлович первые шаги своих учеников — Юрия Притулы и Ивана Круглова. Он готовил их в солисты. Он заменил им консерваторию. Впоследствии бывшим парням из хора присвоили звание заслуженных артистов РСФСР. А Валя Нестягина — солистка Свердловской оперы — народная артистка РСФСР, Б. Гуляев, Н. Децидернева — их много, выходцев из Новосибирского хора, хормейстером в котором вот уже 23 года работает Е. П. Горбенко.

А сколько было борьбы за постановку советской оперы! Какие пришлось преодолевать предрассудки. И первая, и вторая, и третья оперы советских композиторов, появившиеся на сцене театра, потерпели неудачу. Мнение, что все оперы не спеничны, было прочным. И только когда приняли к постановке «Орагорию» на слова Маяковского Г. Свиридова, это мнение поколебалось. Артисты хора с энтузиазмом ее репетировали, и приехавшие на спектакль, как на праздник.

Все хоровые партии опер «Кавалер Золотой Звезды», «Не только любовь» и других написаны композиторами интересно, своеобразно. Поняв и почувствовав подкупающую своеобразность советской оперной музыки, Е. П. Горбенко стал одним из первых убежденных приверженцев творчества Хренникова, Магиденко, Свиридова.

Помнит Евгений Павлович, как дирижировал он хором в пять тысяч человек на стадионе «Спартак». Это было нелегко. Разговаривать даже с тысячей, даже с сотней человек очень трудно, а здесь — пять тысяч, и нужно добиться, чтобы каждый понял свою задачу, не нарушал гармонии. И люди разных профессий и возрастов, никогда не знавшие и не видевшие друг друга, поют стройно и слаженно.

Помнит хормейстер и тот день, когда его поздравляли товарищи с присвоением почетного звания заслуженного артиста РСФСР. Правительство высоко оценило заслуги Евгения Павловича в развитии музыкальной культуры в Сибири и в нашем городе.

Н. СЫРЫХ.

«ВЕЧЕРНИЙ НОВОСИБИРСК»
г. Новосибирск

6 ДЕК 1967